

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

рассказы

ТЕЛЕКИНЕЗ И ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

Олег Скобелев – высокий, сутулый, вечно взлохмаченный студент чем-то напоминал грача. И ходил он как раненая птица, как-то странно подпрыгивая на каждом шагу. Парень был незаурядный, но, к сожалению, талант часто идет под руку с гордыней. Будучи от природы себялюбивым Олег постоянно стремился выделиться, чтобы его заметили окружающие. Как назло все студенты в группе радиоактивщиков, где он учился, были яркими личностями. Сразу несколько ребят играли на гитаре и великолепно пели, причем у каждого был свой репертуар. Были в этой группе выдающиеся спортсмены, хохмачи, остряки и просто хорошие и обаятельные ребята. И на их фоне Олег смотрелся каким-то недотепой. Ситуация усугублялась еще и тем, что до поступления в университет Олег работал коллатором в научной геологической экспедиции, и в отвалах старой шахты нашел минерал шеелит, из которого получают вольфрам. Его начальник – научный сотрудник академического института заинтересовался находкой, так как минерал оказался редкой морфологии. Он изучил его, написал краткое научное сообщение в геологический журнал, и, в виде поощрения, включил

коллектора в соавторы. Но эффект получился обратным, парень возгордился и решил, что впереди у него прямая и легкая дорога в науку.

Однокурсники не ценили достоинств Олега и постоянно посмеивались над ним, поэтому он любил беседовать с преподавателями. И обращался не с вопросами, как делают студенты, а пытался научить преподавателей хоть чему-нибудь. Обычно он начинал с вопроса: «а Вы знаете?» и дальше следовал рассказ о каком-то необычном фантастическом явлении типа телекинеза, объяснить которое, наука не в состоянии. Далее он обязательно спрашивал, читали ли его статью в журнале «Доклады Академии наук» и, получив отрицательный ответ, в недоумении пожимал плечами, всем своим видом показывая: «Как это можно, преподавателям университета не следить за последними мировыми достижениями в геологии».

Но с первого экзамена по минералогии Олега «вынесли» с позором. Он был уверен, что за научную статью о шеелитах ему должны поставить пятерку «автоматом». И был удивлен, когда преподаватель стал спрашивать его о других минералах. Поэтому, он старался перевести разговор на нужную тему и говорил: «А вот в моей статье о шеелитах...»

Это был классический прием студенческой изворотливости на экзамене. В университете ходила древняя байка про студента-биолога, сдававшего экзамен по физиологии позвоночных. Студент писал курсовую работу о блохах и все знал только о них. Первый вопрос у него был про куниц. Он рассказал, что эти животные хищники, обитают на деревьях, у них прекрасный мех, но в нем водятся блохи. И далее последовал подробнейший

рассказ о блохах, обитающих в шерсти куниц. Преподавателю надоело это слушать, и он предложил студенту перейти ко второму вопросу.

«У дельфинов гладкая кожа, – уныло начал студент отвечать на второй вопрос, – шерсти нет..., но если бы она была, то в ней водились бы водяные блохи, скорее всего из рода...».

Преподавателю минералогии тоже надоели выверты Скобелева и попытки перевести разговор на шеелит, и он попросил:

– Напишите мне формулу какого-нибудь минерала из группы блеклых руд, например тетраэдрита.

– Я знал, но забыл.

– Печально.

– А вот профессор Кухаренко, когда читает лекцию и пишет на доске формулы минералов, то заглядывает в конспект, – нахально заявил Олег.

– Профессор Александр Александрович Кухаренко не только преподаватель, но и большой ученый, у которого очень много работы и, поэтому, он может себе позволить, пользоваться конспектом лекций. А Ваш мозг совершенно свободный, и туда может еще поместиться много полезного, в том числе и формулы минералов группы блеклых руд.

Хорошо, если вы забыли формулу тетраэдрита, то напишите мне формулу самого обычного минерала, известного даже школьникам, из которого состоят мраморы и известняки, – преподаватель имел в виду кальцит – CaCO_3 .

Олег вздохнул, задумался и написал формулу ангидрита – CaSO_4 .

– Неправильно, – преподаватель протянул студенту зачетку, показывая тем самым, что следует прийти сдавать экзамен в следующий раз.

– Одну минутку, – не растерялся Скобелев и что-то приписал на бумажке, так что получилась формула гипса $\text{CaSO}_4 \times 2\text{H}_2\text{O}$.

Зато во время передачи экзамена Олег удивил преподавателя, блестяще ответив на все вопросы, в том числе и на дополнительные, и получил заслуженную пятерку.

На геологической практике в Питкяранте Олег развлекал студентов телекинезом, пытаясь силой мысли заставить крутиться спичечный коробок, подвешенный на нитке. Но пока у него ничего не получалось.

– Телекинез это способность человека одним только усилием мысли воздействовать на физические объекты, – с умным видом рассказывал Олег, – это мысль, управляющая материей, по-английски: *mind over matter*.

– Тогда почему же у тебя коробок не крутится? – ухмылялись ребята.

– Надо накопить в организме достаточно энергии – «праны». А я напрасно трачу ее, отвечая на ваши дурацкие вопросы.

– Когда он научится телекинезу, то будет усилием мысли вареники в сметану макать, и они будут прыгать ему в рот как Пузатому Пацюку из Диканьки, – подначила Скобелева язвительная Оксана.

Студенты весело смеялись и за спиной Олега выразительно крутили пальцами у виска.

Мне тоже захотелось принять участие в студенческом веселье.

– Пойдемте, я покажу вам настоящий телекинез.

Студенты гурьбой отправились за мной, не пошел только Олег.

Около моей палатки на ветке сосны на конце нити оборванной паутины медленно вращался засохший листок. Еще утром я заметил, как он сделал пятьдесят шесть оборотов по часовой стрелке, остановился, повернулся четыре раза обратно и потом опять как заведенный тридцать шесть раз направо. Как раз накануне я прочитал в научно-популярном журнале, что нить паутины не скручивается. И вот выпал случай не только это увидеть, но и устроить простенькую хохму.

Лист висел как раз на уровне моего носа. Я потер ладони друг о друга, так чтобы они стали горячими, поднес их к листику, который медленно вращался в левую сторону. Не касаясь листа, я сделал ладонями в воздухе движение, как бы закручивая его направо, и в этот момент незаметно дунул. Лист стал стремительно вращаться по часовой стрелке. Студенты радостно зашумели.

– Считайте обороты, – приказал я.

– Шестьдесят четыре, – закричали студенты, когда листок остановился.

Я снова незаметно дул на лист, заставив его вращаться в правую сторону, а потом еще три раза. Это был настоящий триумф.

Вечером у костра я честно рассказал студентам о необычном свойстве паутины – внутренней шарнирности, из-за которой подвешенный на паутинном волокне предмет можно неограниченно вращать в одну и ту же сторону, и при этом она не перекручивается.

Не слышал меня только Скобелев. Когда он подошел к костру, то студенты наперебой стали рассказывать,

как я вращал листок, и предлагали Олегу не терять времени и поучиться у меня телекинезу.

На другой день в экскурсионных маршрутах мы посетили отвалы нескольких мелких железорудных месторождения, которые были выработаны еще в конце девятнадцатого века. Магнетитовые руды с этих месторождений по семикилометровой подвесной канатной дороге доставляли к домне на берегу Ладоги, у развалин которой и стоял наш полевой лагерь. Руды на этих месторождениях были чрезвычайно богатыми, но их запасов не хватало даже для древнего производства. Кроме того, среди магнетитовых руд встречались минералы цинка, меди и свинца характерные для полиметаллических месторождений.

И на одном из этих отвалов Олег умудрился найти образец со своим любимым шеелитом. Преподаватель Александр Сергеевич Воинов подтвердил, что это действительно шеелит, и на этом отвале он, вроде, обнаружен впервые. Гордости студента не было предела.

Олег принялся раскалывать молотком образцы, в поисках шеелита, складывая некоторые из них в маршрутный рюкзак, чтобы изучить их в лагере.

Ребята отнеслись к находке Олега с усмешками, и за его спиной незаметно положили ему в рюкзак глыбу мрамора килограммов на десять весом.

Я, конечно, это видел, но говорить Олегу ничего не стал, уверенный в том, что он сам заметит и выбросит из рюкзака ненужную глыбу. Но студент проверять рюкзак поленился и тащил глыбу на себе восемь километров до самого лагеря. Несколько дней он не прикасался к рюкзаку, как его не призывал к этому Александр Сергеевич, который тоже видел, как студенты клали

глыбу. А через несколько дней, Воинов собрался уезжать в экспедицию на Кольский полуостров, и я с велосипедом пошел проводить его до железнодорожного вокзала. С нами увязался Олег со своим маршрутным рюкзаком с глыбой мрамора внутри. Он собрался оставить рюкзак в камере хранения на вокзале, но я подозревал, что он пошел с нами в надежде подробно обсудить с Воиновым его находку шеелита.

Увесистый рюкзак Александра Сергеевича повесили на руль велосипеда, и мы отправились на станцию. Скобелев плелся рядом сгибаясь под тяжестью своего рюкзака.

«Ничего, ничего, – съехидничал мой внутренний голос, – молодым оно полезно таскать тяжести»

– Можно, я свой рюкзак на багажник вашего велосипеда положу? – Неожиданно попросил Олег.

Я растерялся и разрешил.

С двумя рюкзаками толкать велосипед стало тяжело, но и признаться Олегу, что в его рюкзаке лежит мраморная глыба, было, вроде, как и неудобно.

Освободившись от тяжелого груза, Олег и Александр Сергеевич ушли по дороге вперед и стали обсуждать находку шеелита. А я, как дурак, толкал вперед велосипед с двумя рюкзаками.

– Можно мне будет написать статью о находке шеелита в отвалах шахты? – спросил Олег Александра Сергеевича. – Вы же сами сказали, что это первая находка

– Шеелит обычный минерал для таких месторождений, поэтому даже краткое научное сообщение в журнал не примут.

– А если я изучу и опишу морфологию шеелита?

– По одному образцу? А где уверенность, что он на этих отвалах местный. Быть может кто-нибудь из студентов, а их здесь побывали тысячи, принес образец с другого рудного отвала и тут выбросил. В прошлом году в развалах мраморов Питкярантского горизонта, которым около двух миллиардов лет, студенты нашли кусок известняка с хорошим отпечатком ордовикского трилобита *Asaphus*, которому четыреста пятьдесят миллионов лет.

– И как же он попал в развалы мраморов?

– Может быть, ради шутки кто-то бросил, а возможно образец упал с железнодорожной платформы, которая перевозила в Ленобласти известняковую щебенку, а потом в Карелии загружалась гранитной щебенкой.

И тут на велосипеде спустило заднее колесо. Скобелеву пришлось снять свой рюкзак и самому тащить глыбу мрамора до железнодорожного вокзала, а потом увезти ее в Ленинград.

Однако учился Олег вполне прилично, имел высокий средний балл и попал в группу студентов выезжающих на геологическую практику в Болгарию по безвалютному обмену. Во время подготовки к поездке Скобелев сделал вполне приличный доклад о полезных ископаемых и месторождениях Болгарии.

Группа состояла из десяти студентов: восьми основного состава и двух кандидатов. Когда пришло время оформлять загранпаспорта, то кандидаты из группы исключались. За восьмое место в основной группе, которое определялось по рейтингу среднего балла, претендовали двое – Олег Скобелев и Светлана Лебедь. И хотя все студенты в группе были против Скобелева, место досталось ему, так как его средний бал оказался на одну

сотую выше, чем у Светланы.

После собрания Света вместе с подругой Оксаной – старостой отъезжающей группы уговаривали меня не разлучать их и включить в группу Свету вместо Скобелева. Они утверждали, что одна сотая балла зависит от степени округления среднего значения. Особенно они упирали на то, что дали клятву вместе идти по жизни и никогда не разлучаться. Девушки стояли передо мной, крепко взявшись за руки, демонстрируя нерушимую дружбу.

Но я ни за что не хотел нарушать принцип рейтинга по успеваемости и считал его однозначным и справедливым. Если средний балл у претендентов оказывался одинаковый, то в этом случае учитывалась общественная работа на факультете и в группе. Я рассказал девицам, что мне, в свое время, тоже не хватило одной сотой балла, чтобы распределиться на Чукотку вместе с моими тремя закадычными друзьями, и я попал в заполярную Воркуту.

В те годы я увлекался философией и синергетикой и объяснил девушкам неотвратимость событий в человеческой жизни с научной точки зрения. Я рассказал, что в термодинамике существует понятие о точках бифуркации (раздвоения), которые определяются случайными и на первый взгляд незначительными факторами. Если два пути эволюции шли близко и параллельно друг другу, то в какой-то момент времени они неожиданно и необратимо расходятся в разные стороны

– Быть может, пока мы будем в Болгарии, – рассказывал я готовый заплакать Светлане, – ты неожиданно встретишь хорошего человека, например дипломата, выйдешь за него замуж и уедешь с ним в Уага-дугу –

столицу африканской республики Буркина Фасо. Ну, в крайнем случае, от поездки в Болгарию может отказаться Оксана, и вы снова будете вместе мечтать о принцах на белых конях.

Но Оксана не отказалась от поездки, посчитав, что за то короткое время ничего особенного не случится и судьба не успеет разлучить ее с подругой. А Скобелева Оксана просто возненавидела и постоянно старалась зацепить или обидеть парня. Олег злился, так как не всегда мог успешно парировать едкие реплики бойкой девицы и в ответ держал себя немного заносчиво.

И вот, наконец, мы приехали в Болгарию. В Софийском университете имени Климента Охридски нас тепло встретили болгарские друзья – преподаватели и студенты. Поселили в студенческом общежитии.

На другой день в сопровождении болгарских студентов мы отправились знакомиться с университетом. По пути они показывали нам город. На многих деревьях и зданиях были наклеены поминальные листки в черных траурных рамках с небольшим текстом и фотографиями людей, в которых сообщалось либо о кончине близкого человека, либо о годовщине его смерти и предлагалось всем друзьям и близким покойного почтить его память. Скобелев внимательно разглядывал эти поминальные листки, но, не зная болгарского языка, подписи не читал. Печально вздохнув, он сочувственно сказал болгарским студентам:

– Как много у Вас в Болгарии опасных преступников разыскивается.

Каждый день нас водили в музеи, геологические экскурсии и на месторождения.

Однажды ранним утром, перед экскурсионной поездкой на железорудное месторождение, я первым вышел на крыльцо студенческого общежития, в котором поместили нашу группу. Утро было волшебное, а воздух имел тонкий и необыкновенно приятный аромат. На мой взгляд, воздух Болгарии самый вкусный воздух в Мире. За многоэтажными домами окраины города красавица Витоша словно невеста куталась в пушистые белоснежные облака.

Но автобус с болгарскими преподавателями где-то запаздывал, да и наши студенты еще не вышли, и я собрался подняться на лифте наверх и их поторопить. Вдруг на бетонной ступеньке крыльца шевельнулась брошенная кем-то горелая спичка. Я заинтересовался, стал рассматривать необычно подвижный предмет, даже лег на крыльцо. И тут из дверей гурьбой вышли студенты и застали преподавателя в довольно странной позе.

– Осторожно! – крикнул я. – Смотрите внимательно, сейчас будет сеанс телекинеза.

Вытаращив глаза, я уставился на спичку, которая под моим взглядом сдвинулась с места и стала медленно двигаться по бетонной ступеньке крыльца. Студенты просто обалдели и, затаив дыхание, смотрели на чудо перемещения предметов одним усилием воли. Когда они окончательно уверовали в мои телекинетические способности из под спички вдруг вылез крошечный муравей, тащивший её к себе в муравейник и раздраженно посмотрел на нас как на толпу праздных бездельников и непуганых идиотов. Студенты дружно засмеялись.

Последним на крыльцо вышел Олег. Ребята наперебой стали рассказывать ему о моих телекинетических

способностях и советовали взять у меня несколько уроков. Но Скобелев только снисходительно усмехнулся.

С каждым днем студенты все больше и больше подначивали Олега, а он каждый раз обижался. Как только он произносил свою любимую фразу: «А Вы знаете?», ребята хором отвечали: «Знаем, знаем!».

Мне не нравилось, что между Олегом и студентами углубляется отчуждение. Никак не удавалось наладить товарищеские отношения в группе. В конце концов, я решил серьезно поговорить с Оксаной, которая больше всех по нескольку раз в день задирала Олега. Но разговор не получился.

– Накаркали Вы со своей абракадаброй, – перебила меня Оксана.

– Какой абракадаброй? – не понял я.

– Ну, с этой, когда все раздваивается.

– Бифуркация! – тут же сообразил я.

– Сегодня звонила домой, маму с днем рождения поздравляла, так вот Светка бросила университет и укатила с морским лейтенантом в Мурманск. Даже свадьбу не отгуляли, а она так мечтала о белом платье.

– Наш Мурманск значительно лучше Уага-дугу, главное чтобы у них все сложилось.

Света вернулась в университет лишь через семь лет и пришла ко мне за темой курсовой работы.

Я сразу ее и не узнал. Уже не девчонка, а женщина, мать двоих детей. У нас состоялся примечательный разговор:

«Я Света! Помните?»

Обычно я предупреждал студентов, что бы вместо фразы: «Вы помните?», мне говорили «Вы знаете?», ко мне уже подкрадывался ранний склероз.

«Ты еще скажи: «Я Ваша дочь! Здравствуй папа!»

«Я Света! Бифуркация!»

«Вспомнил! Ну, и как сложилась твоя траектория? Встретились с Оксаной?»

«Нет, она вышла замуж и живет на Чукотке. Только переписываемся».

«А зачем ты ко мне пришла?»

«Хочу писать у Вас курсовую работу».

«На какую тему?»

«Продолжить старую»

«И какая была старая?»

«Не помню, уже семь лет прошло!»

«А я помню, да?»

«Быть может, у Вас где-нибудь записано?»

«Как твоя фамилия?»

«Коршун».

«Не было у меня студентки с такой фамилией».

«Ой, это сейчас я Коршун, по мужу».

«А была?»

«Лебедь!»

«Что-то припоминаю, – я открыл книжный шкаф и на полке нашел курсовик Светланы Лебедь».

– Оксана, попрошу тебя, поговори с ребятами о Скобелеве. Ваши насмешки его только озлобляют. Помогите парню выйти из этого дурацкого положения изгоя общества, в которое он сам себя поставил.

– Я из-за этого козла лучшую подругу потеряла. Если бы не он мы бы с ней сейчас вместе на пляж пошли. А эта «точка бифуркации», на которую наткнулась траектория ее жизни, сейчас в своей комнате сядет за шкаф медитировать в позе лотоса и пытаться мыслью сдвинуть на столе пустой спичечный коробок. И самое

обидное для этого ему было незачем ехать в Болгарию, за шкафом он мог бы сидеть и в общежитии в Петергофе.

– Ненавидеть надо подлых людей, а он хороший парень и ты часто не по делу его цепляешь. Если не хочешь помочь, то хотя бы не трогай парня.

– Ладно, обещаю. Только и у меня к Вам будет просьба. – Оксана вдруг покраснела, – Завтра, когда я последняя войду в автобус, вы уступите мне свое место рядом с Колей, ладно.

– Хорошо, – пообещал я, – но Олега не трогай.

– А растормошить Скобелева Вы попросите Сашеньку она, мне кажется, к нему равнодушна.

Сашенька – миниатюрная девочка больше напоминающая школьницу девятиклассницу, чем студентку третьего курса, была в группе самая дисциплинированная и исполнительная. На вокзале ее провожали родители – инженеры судостроители. Дочь и ее мама с двумя легкомысленными косичками были похожи как две капли воды. Рядом с ними стоял строгий и такой же миниатюрный папа в фетровой шляпе. Родители подошли ко мне.

«Вы присматривайте там за нашей Сашенькой», – солидно попросил отец.

«Она плохо кушает», – добавила мама и тряхнула своими косичками.

Я заверил родителей, что буду строго контролировать питание их дочери.

Только Олега Скобелева никто не провожал, и нехитрый багаж его состоял из полупустой спортивной сумки.

В тот же вечер в общежитии Софийского университета я вызвал Сашу и попросил:

– Не нравится мне постоянное пикирование ребят со Скобелевым в вашей группе. Обычно студенты шутят друг над другом по-доброму, а у вас шутки типа: «сам дурак».

– Это все Оксана, она возненавидела Олега из-за своей подружки Светки и нарочно цепляется. А он, конечно, злится, что не может остроумно ответить.

– Я уже два раза беседовал с Олегом и впустую, не хватает педагогического мастерства вывести его из состояния постоянного недоверия к окружающим. Но я чувствую, что он добрый и порядочный парень, и я пошел бы с ним в разведку. Постарайся помочь ему наладить с ребятами нормальные отношения.

– Прямо сейчас? – наивно спросила Сашенька, будто я предложил ей решить арифметическую задачку.

– Ну, если сможешь, начни сейчас.

Сашенька повернулась и решительно вошла в комнату мальчиков. В открытую дверь был виден Скобелев, сидящий в позе лотоса в углу за шкафом.

– Олежек, проводи меня в город, пожалуйста, мне надо маме подарок на день рождения купить, а вечером в парке очень темно и я одна боюсь.

Я опасался, что Олег начнет отказываться, но он вскочил с такой скоростью, что чуть не снес кудлатой головой настенное бра. Как потом выяснилось, только горячо любимая мама называла его Олежек.

Ребята отправились в город. Я выглянул в окно и с высоты шестого этажа увидел, как рядом с миниатюрной Сашенькой подпрыгивал сутулый Олег. У него в руках была ее сумка и зонтик.

Вечером, они вернулись мокрые от дождя, так как Олег, естественно, потерял зонт. Но глаза у обоих бле-

стели. Сашенька прижимала к груди охапку душистых белых роз с искрящимися как бриллианты капельками воды на лепестках. Нежный румянец, которого я раньше не замечал, украшал ее щеки, а глаза вдруг стали большими и выразительными как у газели.

Олег от возбуждения подпрыгивал выше обычного, но был причесан и неестественно прям. Не было сомнения, что Сашенька сделала ему замечание, чтобы он не сутулился, и причесала.

После этого дня Олег и Сашенька не расставались ни на минуту. Утром они брались за руки и ходили так до самого вечера. Даже во время обеда они умудрялись держать друг за друга, словно боялись потеряться.

Как-то совершенно неожиданно Олег преобразился и стал нормальным парнем, смеялся вместе со всеми, в том числе и над собой, и, главное, не старался показаться умнее других. А Сашенька просто расцвела как бутон под утренними солнечными лучами. И девицы вдруг стали ей завидовать. Они с ревностью, как-то оценивающе посматривали на Олега, сообразив, «а парень он, вроде, и ничего». Некоторые даже пытались флиртовать с Олегом, уверенные, что они отобьют его от Сашеньки за пять секунд. Но Олег ни на кого даже не смотрел, а Сашенька оказалась девочкой с характером и за свое счастье могла постоять. Теперь она одна парировала все подначки и насмешки в адрес Олега, да так блестяще и остроумно, что через пару дней от них отстали.

«Хорошо, что в мире существуют не только точки бифуркации, разводящие человеческие судьбы, но и точки объединения, – подумалось мне тогда, – и, похоже, что для Сашеньки и Олега это не простое пересече-

ние жизненных траекторий, а их окончательное слияние».

Однажды я зашел в комнату к ребятам и застал Олега в компании с Сашенькой и Оксаной, распивающих бутылочку вина. Перед ними стояли красивые фужеры на тонких высоких ножках.

– Эти фужеры я нашла в шкафу в своей комнате, кто-то из болгарских студентов забыл, – пояснила Оксана.

– И чем же ты Олег угощаешь дам, бордо от барона Филиппа де Ротшильда или молодым божоле? – Я взял в руки внушительную литровую бутылку и рассмотрел этикетку. Название было написано по-болгарски, но я и так понял, что это яблочный уксус.

– О, да Вы предпочитаете яблочный оцет.

– Что? – не понял Олег.

– Оцет по-болгарски уксус.

– Я же говорила: кислятина, кислятина, а он: «брют, брют», – Оксана в сердцах выплеснула остатки уксуса в раковину и ушла.

– Анатолий Михайлович, это все от нищеты, – извинился Олег, – вечно нет денег, живешь впроголодь, у нас в общежитии даже у тараканов случались голодные обмороки. Вот и вошло в привычку покупать все самое дешевое. А тут смотрю, большая бутылка и стоит всего один лев.

Мне вдруг вспомнился классический дневник студента нашего времени:

«18 марта. Страшно хочется кушать!

19 марта. Страшно хочется кушать!

20 марта. Безумно хочется кушать!

21 марта. Ура! Получили стипендию! Послали гонца за вином и жратвой.

22 марта. Ничего не помню.

23 марта. Ничего не помню.

24 марта. Хочется кушать!

25 марта. Очень хочется кушать!»

В конце практики последнюю ночь пребывания в Болгарии никто не хотел спать и все пошли гулять на море. Я не мог отпустить студентов одних и отправился вместе с ними. Ночь была ясной и удивительно звездной. Мы решили встретить рассвет в море и наблюдать восход звезды по имени Солнце. Но не рассчитали время и плавали в теплой воде часа полтора. Картина восстающего из моря Солнца запомнилась на всю жизнь. Это был минуты настоящего блаженства.

За это удовольствие пришлось хорошо заплатить – я сильно застудил зуб.

Георгий Киров подарил мне бутылку Плиски и наказал полоскать зуб коньяком. Глотать коньяк из горлышка на глазах у студентов было неудобно, и приходилось терпеть жуткую боль. Зато в море я испытал такое блаженство, что ни о чем не жалел и повторил бы его, даже если бы наперед знал, что будет болеть зуб.

Но целая череда испытаний ждала нас впереди. В Софии мы опоздали всего на один день с бронированием обратных билетов, и единственный вариант отъезда был только через Москву. Я себе не очень отчетливо представлял, как это будет выглядеть, но в турагенстве меня заверили, что наши билеты действительны до Ленинграда и в Москве будет только пересадка, и «никаких проблем». Еще тогда сразу после этой фразы я понял, что проблемы будут, и еще какие!

На протяжении практики Олег все время что-то терял. Однажды он забыл в трамвае свой фотоаппарат, но болгарская милиция на удивление быстро его разыскала. Возможно, это было связано с тем, что он был однофамильцем чрезвычайно популярного в Болгарии генерала Скобелева – освободителя болгар от турецкого рабства, героя Шипки и Плевны.

Известная фамилия в заграникомандировке много значит. На практике по безвалютному обмену в ГДР один студент забыл старенький Zenit в вагоне берлинского метро. А звали его Владимир Ленин. Такую фамилию он получил в детском доме. О пропаже заявили в полицию и через два часа в участке парню предложили на выбор три фотоаппарата, один из которых был очень дорогой. Но студент честно взял свой.

Два раза Олег терял заграничный паспорт: один раз оставил его под подушкой в общежитии в Софии, и хватился, когда вся группа приехала в Кырджали, и второй раз в столовой рудника. И только фантастическая расторопность сопровождавшего нас доцента Софийского университета Георгия Кирова, спасала положение, паспорт находился.

В конце концов, за несколько дней до отъезда я отобрал у Скобелева паспорт, чтобы он не потерял его в последний момент.

В Руссе мы сели на московский поезд. Вагон нам достался какой-то старый, обшарпанный, без кондиционеров. При посадке строгий проводник с военной выправкой проверил наши билеты. Ребята понимающе ухмылялись и между собой окрестили его «товарищ майор», намекая на то, что, по их мнению, все проводники

международных вагонов являются штатными сотрудниками КГБ.

На перроне появились болгарские и румынские пограничники. Они проверяли паспорта при пересечении границы. Я вернул Скобелеву загранпаспорт в надежде, что он не успеет его за это время потерять. О, как я ошибся!

Перед нашим окном стояли провожающие – Георгий Киров и Сребре Петров. Все прощальные слова уже были сказаны на перроне, и наступила та неловкая минута, когда говорить уже не о чем, а поезд все не отходит. И тут Георгий заметил рядом со мной Скобелева. Он постучал пальцем по оконному стеклу и крикнул Олегу:

– Паспорт не потерял?

Олег усмехнулся, достал паспорт и ладонью прижал его к стеклу. Тут поезд тронулся, вагон дернулся, и студент уронил паспорт в щель между окном и стенкой вагона.

Лицо у Георгия вытянулось. Он сразу понял, в чем дело и пальцами показал мне, что останется на перроне, на всякий случай. Поезд медленно набирал ход, неукротимо приближаясь к Болгарско-Румынской границе

По вагону шли болгарские пограничники и проверяли документы. Специальным компостером они ставили в паспорта штампы о выбытии из Болгарии. И ежу было ясно, что Скобелева сейчас высадят из-за отсутствия паспорта. Олег был в отчаянии.

– А ты достань его при помощи телекинеза, – съязвила Оксана. – Столько тренировался и все зря? Ну, если сам не можешь, попроси Анатолия Михайловича, у него сразу получится.

– Оксана, не злорадствуй, а иди в свое купе, – урезо-

нил я студентку.

По вагону впереди пограничников шел проводник и зычным голосом военного призывал всех занять свои места. На удачу, наши три купе были последними.

Когда проводник дошел да нашего купе ребята выскочили вперед меня и закричали:

– Товарищ майор, помогите, у нас беда!

– Какой еще майор? – рассердился проводник.

– Неужели Вы подполковник? – удивились ребята.

– У студента паспорт в щель упал, – сообщил я, – помогите достать.

Проводник вытащил из кармана отвертку и за пару минут снял панель под окном, оттуда вывалился паспорт. Олег радостно его схватил и протянул подошедшим болгарским пограничникам.

– Это Ваш паспорт? – спросил его старший наряда.

– Мой, – Олег выпрямился и провел рукой по волосам, – что не похож?

– Да, не похож.

– Как это не похож? Вы посмотрите внимательнее, – Олег снова поправил волосы, думая, что все дело в шевелюре, которая успела отрасти за несколько месяцев со времени получения загранпаспорта.

– Вы сами посмотрите внимательнее, – сержант вернул Олегу паспорт.

С фотографии смотрел толстый и совершенно лысый мужик лет пятидесяти.

– Это же не мой паспорт! – завопил Олег.

– А где же Ваш?

Проводник взял в руки паспорт и воскликнул:

– О, да это паспорт одного типа, неделю назад он его по-пьянке перед самой Москвой потерял. Сулил мне золотые горы, если найду.

Проводник вновь снял панель. За ней оказался еще один паспорт. На этот раз Скобелева.

Когда ушли пограничники, я сунул в карман проводника бутылку Плиски. Он это почувствовал, но сделал вид, что не заметил.

К ночи у меня разболелся зуб, даже анальгин не помогал, и я стоял в коридоре, подперев больную щеку и сдерживая стоны. Мимо проходил «товарищ майор». Он дернул меня за рукав и позвал в купе проводников. Ни слова не говоря проводник налил мне полстакана коньяка из моей бутылки и коротко приказал:

– Пей!

Отказывать майору, а может быть даже подполковнику КГБ, сделавшему для нас доброе дело, было неудобно.

Я сделал глоток и прополоскал зуб, боль постепенно утихла. Наконец-то, удалось заснуть под монотонный перестук колес.

По мере того как поезд приближался к Москве, тревога моя возрастала. Если в день приезда не переоформишь билеты до Ленинграда, нам придется плохо. Одному или двум всегда можно уехать, а десять человек сразу?

О небо, как я не любил покупать в кассе билеты. Окошко кассира, напоминающее отверстие в собачьей конуре, всегда располагалось на такой высоте, что вынуждало пригибаться

Как всегда нас ожидали две новости – хорошая и плохая. Оказалось, что места на ленинградский поезд

нам забронированы, и я чуть не подпрыгнул от радости. Плохая новость состояла в том, что отъезд в Ленинград только через два дня.

– Ничего не знаю, – кассирша была груба и бесстрашна как санитар, отвечающий старушке: «Нет, бабушка, умерла, так умерла. Доктор сказал в морг!» – сегодня на Ленинград мест нет, обращайтесь к дежурному по вокзалу.

Дежурный мне также не помог, но посоветовал:

– Подойдите к кассе возврата перед отходом поезда, может Вам повезет, и купите билеты. Каждый день сдают десятки билетов на Ленинград.

Я отправился к ребятам, сидевшим в зале ожидания на чемоданах. По пути остановился у расписания, посмотреть какой ближайший поезд на Ленинград.

Вдруг ко мне подошел мужчина слегка навеселе в форме проводника.

– Куда едем?

Обычно я игнорирую такого рода общение, но в нашем положении терять было нечего.

– В Ленинград.

– Один?

– Нас десять человек, у нас и билеты есть, только на четверг, – у меня вдруг затеплилась слабая надежда на отъезд.

– Ну, если еще и билеты есть, то могу провести всех, за бутылку водки и по пятерке с носа. Поезд отходит через полчаса, идет?

Терять шанс было нельзя. Не сидеть же двое суток на вокзале без копейки денег в ожидании нашего поезда.

– Только сейчас у нас денег нет, когда приедем в Ленинград, студентов будут встречать родители, и мы обязательно расплатимся.

– Ну, – махнул рукой проводник, – так дело не пойдет.

– Зато коньяк есть сейчас.

– Ладно, – быстро согласился проводник, которому явно хотелось немедленно выпить, – подходите к шестому вагону вон того поезда.

Я вернулся к ребятам. Узнав, что через полчаса можно уехать домой, они дружно закричали.

Сашенька с Олегом побежали звонить родителям, чтобы приготовили деньги за наш проезд и сообщили остальным родителям о приезде. На последние копейки купили в ларьке два батона и, подхватив чемоданы, отправились искать шестой вагон.

Указанный проводником поезд сразу вызвал сомнения. На табло в начале перрона не было объявления ни о времени его отправления, ни о пункте назначения. Грязные и обшарпанные вагоны стояли с закрытыми дверями и явно пустые. Ни проводников, ни пассажиров, ни провожающих. Но у шестого вагона нас встретил проводник.

– В нашем вагоне, да и во всем поезде нет света, – предупредил он.

Вагон был совершенно пустой и сидячий.

– Какой-то странный проезд и проводник подозрительный, – ко мне подошли встревоженные девочки, – а нас тут не ограбят?

– Живыми мы не дадимся, – в шутку пообещал я, но на душе было тревожно.

Проводник сразу потребовал обещанный коньяк. Бутылку Плиски на общественные нужды пожертвовала, конечно, Сашенька, оставив без подарка своего папу.

Поезд тронулся. Проводник заперся с бутылкой в служебном купе, а ребята обследовали соседние вагоны, оказавшиеся пустыми. Очевидно, мы попали в состав, в котором перегоняли в Ленинград неисправные вагоны.

По-честному разделили батоны, и я пожертвовал на общество любившуюся мне сухую приправу под названием «шарена сол», состоящую из сухого чабера, паприки, мяты, молотого черного перца и соли.

Болгарские студенты рассказывали мне, что когда у них в общежитии кончаются деньги, они берут в студенческой столовой хлеб и посыпают его этой приправой.

К нам вышел довольный проводник, который был явно навеселе. Ему захотелось пообщаться, а то, как же, выпить и не поболтать.

– Ребята, давайте сыграем – обратился он к студентам, – вот у меня есть пять рублей,

– У нас нет денег, – сразу предупредили студенты.

Но проводнику хотелось развлечься.

– Ладно, рисковать буду только я, давайте так, кто сможет поймать пятерку, то ее забирает. Но скажу вам честно, научно доказано, что, ни один человек в мире не обладает такой быстрой реакцией.

Проводник бросал пятерку между пальцев студентов и всякий раз довольно хохотал, когда они не могли ее поймать.

Но студенты народ хитрый, они сразу поняли, что здесь можно хорошо поживится. Как раз накануне отъезда я демонстрировал им свои уникальные способно-

сти и ловил восемь бумажных денег из десяти бросков. Эту способность я обнаружил у себя еще на первом курсе. В экспедиции на Памире мы с Ником получили зарплату новенькими рублями, и Ник предложил сыграть в эту игру. Он прочитал в каком-то научно-популярном журнале, что ни один человек не обладает такой скоростью реакции, чтобы поймать бумажную купюру, брошенную между пальцев. Ну, до чего же у нас люди верят печатному слову.

И неожиданно для себя и, особенно для Ника, я поймал девять рублей из десяти. Ник даже обиделся на меня, но я, конечно, все обратил в шутку и деньги не взял.

Быстрота реакции была единственным качеством, которым меня одарила природа. Она очень пригодилась во время занятий боксом. Но и неприятности связанные с ней тоже были. Однажды в гостях в конце ужина хозяйка навязчиво пыталась угостить меня куском шоколадного кремowego торта. Я отказывался, мотивируя тем, что не ем сладкое, а люблю соленое.

«А ты посоли», – серьезно посоветовал мне ее пятилетний сын.

И тут хозяйка уронила с лопатки этот дурацкий кусок, а я инстинктивной поймал его, сдвинув колени и испачкав брюки от выходного костюма.

– Попробуйте сыграть с нашим руководителем, – предложили студенты проводнику, – только предупреждаем, что он поймает все деньги.

– Это совершенно невозможно, скорость пролета бумажки такая, что человек не способен среагировать, да вы сейчас в этом убедитесь.

– Смотрите, проиграете, – подначивали проводника студенты, – наш преподаватель обладает телекинетиче-

скими способностями и может силой мысли остановить бумажку в полете.

– Не родился еще такой человек, – завелся проводник, – где ваш преподаватель, зовите его сюда.

– Он спит на последнем кресле

Я, конечно, не спал и все слышал, и когда проводник подошел, рассеянно выслушал его инструкцию, как надо ловить бумажку. Потом протянул ему раскрытую ладонь с растопыренными в стороны пальцами, но проводник и ребята стали мне показывать, как надо держать руку. Я зевнул, демонстрируя полную незаинтересованность.

Проводник кинул между моих пальцев банкноту, и я успел схватить ее за самый кончик. Студенты дружно захлопали в ладоши.

– Это случайно, – разозлился проводник, сообразив, что проиграл, – не считается!

– Как это не считается? – возмутились студенты, вы сами предложили условия – десять бросков подряд, и все что он поймает, его, мы все слышали.

– А если не поймает, то с него пять рублей, идет?

Студенты хотели, было оспорить новые условия, но я согласился:

– Ладно, бросайте, это так просто, – и снова зевнул.

Второй бросок я поймал банкноту за середину. Студенты заорали дружно и громко, как болельщики на стадионе в момент победы любимой команды.

– Наши уже десять рублей, – открыли они счет.

– Случайность, – рассердился проводник, – сейчас все отыграю и еще получу тридцать рублей.

Третий бросок я так же поймал.

– Не орите, вы мне мешаете сосредоточиться, – одернул проводник студентов.

После удачно пойманного четвертого броска девчонки не выдержали и запрыгали по вагону, радостно хлопая в ладоши.

Проводник, сдерживая гнев, взял тайм аут и закурил прямо в вагоне.

– Чудес не бывает! – упрямо заявил он и снова взял в руки банкноту.

– Бывают, бывают! – злорадно хихикали девчонки.

Проводник бросал неумело, как дилетант и ловить банкноты было просто. Как только он не пытался пропихнуть банкноту между моих пальцев, но я поймал еще шесть бросков. Ребята торжествовали.

– Вот, и подзаработал на левых пассажирах, – криво усмехнулся проводник, но видно было, что сильно он не расстроился. – Пойдем ко мне в купе, – пригласил он меня, – попробуем болгарский коньяк.

– Не могу, – отказался я, – с голодухи меня сразу заберет, а я должен быть трезвый, когда буду сдавать детей на руки родителям.

Проводник ушел в свое купе допивать коньяк. Оксана опять стала подсмеиваться над Олегом, что если бы он научился у меня телекинезу, то смог бы также замедлять полет денег

– Сашенька сказала, что телекинез это чепуха! – безапелляционно заявил Скобелев.

В Ленинграде всех ребят должны были встречать на вокзале родители. И только один Олег был иногородний и оставался без денег и жилья, так как из общежития в Петергофе он уже выписался.

– Поедешь со мной, – сказал я Скобелеву, – проживешь у меня, деньги на билет домой я одолжу.

– Спасибо, – смутился Олег, – но Саша сказала, что я поеду к ней, она по телефону предупредила родителей, они нас встретят на машине.

Стало понятно, что фраза «Саша сказала» будет теперь для Скобелева как палочка-выручалочка и он избавится от кучи проблем.

Как говорил один наш сотрудник, вернувшийся из отпуска, который он проводил вместе с женой: «Люся сказала, что мы отдохнули хорошо!»

На вокзале я наблюдал, как сашенькины родители отнесутся к ухажеру своей дочери, и был приятно удивлен, что его встретили как сына. Так что Олегу повезло в жизни, и он без попал в добрую семью без всякого телекинеза.

Через полгода в Татьянин день Сашенька и Олег, пришли ко мне в кабинет с пригласительным билетом во дворец бракосочетания. Они стояли, взявшись за руки, молодые и счастливые.

Я пожелал ребятам, чтобы всю жизнь они прошли, также крепко взявшись за руки, и на их пути никогда не встретилась бы точка бифуркации.